

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ ЮРИЯ ТРИФОНОВА «ДРУГАЯ ЖИЗНЬ»

Статья посвящена продолжению чеховской традиции, а также ее модификации в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь». Мотивы глухоты, прошедшей жизни, непонимания людьми друг друга, с одной стороны, продолжают чеховскую традицию, однако с другой, будучи перенесенными в иной контекст, по-новому преломляют поднимаемые Чеховым проблемы.

Ключевые слова: Чехов, Трифонов, глухой диалог, «Другая жизнь».

То, что творчество Юрия Трифонова продолжает чеховские традиции, – мысль далеко не новая, уже, можно сказать, ставшая общим местом¹. Неоднократно говорил о близости своей позиции к чеховской и сам писатель². Действие повестей Трифонова происходит в 1960–1970-е годы, т. е. проблемы, поднимаемые Чеховым, с одной стороны, переносятся в иную обстановку, в иное время, с другой – становятся универсальными, актуальными всегда. Как, за счет чего это делается, мы попытаемся проследить на примере повести «Другая жизнь»³.

Одна из основных тем творчества Чехова – «жизнь прошла». Эта фраза, наиболее известная из финального монолога Фирса и являющаяся одним из лейтмотивов творчества Чехова, дословно звучит несколько раз в повести «Другая жизнь»: «Жизнь прошла», говорит Ольга Васильевна Сереже, позже она же думает: «прошла, очень быстро жизнь» (с. 138), «так быстро все это пронеслось» (с. 40). Оказываясь в конце, как им кажется, жизни, герои Чехова пересматривают ее, оценивают как неинтересную, бесцельную, безрадостную, предвидят, что больше ничего не будет, и восклицают «Жизнь прошла». В повести «Другая жизнь» эта ситуация переносится на шаг позже. Жизнь героя действительно прошла, он

умер, и на результаты его жизни смотрит его жена, а он сам уже не может ни оценить ее, ни проанализировать, ни изменить. Ситуация «жизнь прошла» становится буквальной, трагедия становится несколько иной.

Сам же главный герой повести «Другая жизнь» продолжает галерею героев Чехова, переживающих то, что в наши дни принято называть кризисом среднего возраста (Платонов, Иванов, Лаевский, отчасти дядя Ваня и т. д.). Вот как про это говорится в повести «Другая жизнь»: «После сорока лет с мужчинами происходят странные вещи: они понимают про себя что-то такое, что было им недоступно прежде» (с. 48). И, как и всех этих героев, от душевных проблем Сережу не спасает женщина, не только жена, но и новое увлечение (Платонов, Иванов); и платоническое увлечение Сережи – всего лишь попытка заполнить пустоту, и попытка тоже неудачная. Сережу жена называет эгоистом за то, что он встает ночью попить (с. 7), а бессонницу его называет блажью (с. 8). Физические проблемы человека воспринимаются как эгоизм. Это предельная форма того, как и всех других вышеперечисленных героев окружающие считают эгоистами, даже не пытаясь встать на их место, понять, что человек совершает те или иные поступки, потому что ему почему-то плохо, у него какая-то трагедия, как Сережа встает ночью не для того чтобы сделать плохо Ольге Васильевне, а потому что хочет пить.

Впрочем, в отличие от героев Чехова, Сережа пытается начать другую жизнь: «Черт возьми, так мало времени остается для другой жизни. Надо наконец начинать. Что начинать? Делать то, что волнует воистину. У каждого человека должно быть то, что волнует воистину. Но до этого надо доползти, докарабкаться» (с. 151–152). Успел ли? Мы не знаем. Знаем только, что жизнь его действительно прошла. Однако, в отличие от чеховских героев, Сережа по крайней мере находит, как ему кажется, ответ на вопрос, как можно выбраться из мучающего его состояния, и это – такое сомнительное явление, как спиритизм, Впрочем, не столь сомнительное для Сережи, верящего в нематериальную сторону мира. Вместе с тем здесь важно именно то, что увлечение спиритизмом, парапсихологией для Сережи – попытка решить свои внутренние проблемы. Другая жизнь, которую он пробует начать, – ответ на вопросы к жизни вообще: «Парапсихология – мечтательная попытка проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием...» (с. 152).

Ситуация – жизнь пары, в которой муж умер, и теперь нам рассказывается с точки зрения жены об их браке – отсылает к рассказу «Попрыгунья»⁴. В рассказе мы узнаем о том, что Дымов умер, в его

конце, в повести «Другая жизнь» – в начале. В «Попрыгунье» более сложная система точек зрения: повествование ведется от третьего лица, но точка зрения постоянно меняется: повествователь, Ольга Ивановна, «все». Впрочем, особенности повествования – повествование от третьего лица, содержащее в себе имплицитно выраженные точки зрения различных персонажей с превалированием точки зрения героини; смена точки зрения на уровне лексики и морфологии («делишки» про жизнь дочери (с. 9), «спортивная дребедень» (с. 9) про то, что смотрит муж, «улыбочка» (с. 12), «ерундовая работа» (с. 111) про свекровь в «Другой жизни», «не совсем обыкновенные люди» о «друзьях и добрых знакомых» Ольги Ивановны и «очень обыкновенный и ничем не замечательный человек» о Дымова (с. 7), «великий человек, гений, Божий избранник» о Рябовском (с. 15) в «Попрыгунье»), – а также создание персонажей при помощи этих особенностей в произведениях совпадают.

Ольга Ивановна «прозевала» (с. 30) Дымова. Ольга Васильевна мужа всегда ценила и любила, но тоже проглядела – в том смысле, что так и не поняла. Сережа из «Другой жизни» сложнее Дымова, «вечно рвущийся куда-то неудачник» (с. 48). Объединяет же рассказ и повесть взгляд жен героев из-за рубежа их жизни и смерти, взгляд, по-иному воплощающий фразу «жизнь прошла».

«Всякий брак – не соединение двух людей, как думают, а соединение или сшибка двух кланов, двух миров» (с. 35). В большей мере эта мысль выражена в повести Юрия Трифонова «Обмен», где брак двух людей привел к столкновению интеллигентского и мещанского мировоззрений с неизбежной победой последнего, как и в пьесе «Три сестры». Однако и брак Дымова и Ольги Ивановны представляет собой «сшибку двух миров», двух очень разных миров, и в этом тоже рассказ «Попрыгунья» и повесть «Другая жизнь» перекликаются. Однако Дымов и Ольга Ивановна понимают, что люди они разные, Сережа и Ольга Васильевна, например, после долгих лет совместной жизни с удивлением узнают о своих прямо противоположных взглядах на загробную жизнь:

– Нет, ты действительно думаешь, что можешь исчезнуть из мира бесследно? Что я могу исчезнуть?

А она отвечала ему с искренним изумлением:

– А ты действительно думаешь, что не можешь? (с. 94).

Столь разные позиции проявляют герои и в других вопросах: восприятие Ольгой Васильевной заботы о чужих людях как «показного человеколюбия» (Сережа: «Нет, моя милая, это истинное...

тебе недоступное...» (с. 135)); щепитильность Сережи, не позволяющая ему пользоваться связями ни в мелком (билеты в театр), ни в крупном (защита диссертации) масштабе, и обида на это Ольги Васильевны и др. Вместе с тем это непонимание, и даже больше – нежелание узнать, что думает любимый человек о таких, казалось бы, немаловажных вещах, не мешает Ольге Васильевне считать после смерти Сережи, что они были самыми близкими людьми, и это непонимание очевидной их неблизости, осознаваемой на протяжении повести Сережей и не осознаваемой Ольгой Васильевной, по-новому воплощает чеховскую проблему глухоты: героиня не в состоянии понять, что они не понимают друг друга.

Обличение пошлости в творчестве Чехова в числе прочего воплощается в соединении высоких понятий с обыденными вещами или с шаблонными, неоднократно повторяемыми, а в силу того ничего не значащими фразами. В «Другой жизни» «Иринка появилась на свет благодаря фразе Георгия Максимовича “Я как ответственный съемщик...”» (с. 40). Да, в повести эта фраза является воплощением важного решения, и тем не менее чудо рождения и даже больше – вопрос существования или несуществования человека – поставлен в зависимость от казенной, канцелярской фразы.

Еще более ярко это выражено в столкновении смерти и денег, когда ко вдове приходят с соболезнованиями и говорят о том, что муж ее остался должен достаточно большую сумму денег. Рождение зависит от фразы «я как ответственный съемщик», смерть связана с выплатой в кассу взаимопомощи.

Связь с рассказом «Попрыгунья» прослеживается и в изображении второстепенных персонажей. Так, совпадают в произведениях художники: Георгий Максимович из «Другой жизни» и Рябовский из «Попрыгуньи». Например, во фрагменте «Почти каждый день к ней приходил Рябовский, чтобы посмотреть, какие она сделала успехи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, он засовывал руки глубоко в карманы, крепко сжимал губы, сопел и говорил: – Так-с... Это облако у вас кричит: оно освещено не по-вечернему. Передний план как-то жеван и что-то, понимаете ли, не то... А избышка у вас подавилась чем-то и жалобно пищит... надо бы угол этот потемнее взять. А в общем недурственно... Хвалю» (с. 12) ирония, в числе прочего, строится на регулярном повторении слов, предназначенных для единичного или очень редкого произнесения. У Георгия Максимовича есть «привычка: изучив нового человека досконально, он сообщал, что у того интересное лицо и его интересно написать» (с. 18–19) – здесь тоже ирония строится на несовпадении фразы, которая предполагает редкое употребление,

с привычкой частого ее произнесения. Правда, в отличие от Чехова, Трифонов расшифровывает действие подобных фраз: «в этом звучала покровительственная нота представителя искусства, стоящего над остальными людьми, и в то же время была невинная лесть, приятная всем» (с. 19). И это не единственный раз, когда Трифонов разъясняет то, что читатели Чехова должны видеть между строк, например, «Они были совсем разные люди. Из разных недр земных» (с. 39).

Вместе с тем Георгий Максимович, как и многие герои Чехова (Вершинин, Туркин и др.), повторяет фразу «У вас интересное лицо, его было бы интересно написать» из года в год, совершенно не меняя. Здесь одновременно повторяется и черта художественного мира Чехова «ничего не меняется», и прием характеристики героя через повторяемую им из года в год фразу, претендующую на оригинальность.

«Матушка, мать» называет герой жену, Ольгу Васильевну, как и Дымов – Ольгу Ивановну. И номинация героини – только по имени-отчеству – тоже перекликается с «Попрыгуньей»: несмотря на то, что повествование большей частью ведется с точки зрения героини, то есть она находится наедине со своими мыслями, она называет себя не по имени, а по имени и отчеству, будто глядя на себя со стороны.

«Попрыгунья» – не единственный рассказ Чехова, с которым перекликается повесть «Другая жизнь». Так, например, Ольга Васильевна, принимающая гостей и надевающая маску гостеприимства на даче, напоминает Ольгу Михайловну из рассказа «Именины».

Герой «Другой жизни» в первый же вечер у возлюбленной бежит за водкой, чтобы скрыть смущение. Опять, в отличие от Чехова, Трифонов расшифровывает значение этого поступка, однако функция его остается прежней, чеховской. Фраза же из повести «Другая жизнь» «Люди обижаются не на смысл, а на интонацию, потому что интонация обнаруживает другой смысл, скрытый и главный» (с. 81) и вовсе звучит как фраза из литературоведческой статьи по творчеству Чехова.

На чужих похоронах Ольга Васильевна плачет больше всех, потому что плачет о своем муже (вновь экспликация того, что у Чехова в подтексте), как и Соня, которая плачет не о дяде Ване, а о своей несчастной любви («Надо быть милосердным, папа! Я и дядя Ваня так несчастны!»), как и три сестры, плачущие в финале каждая над своей жизнью, как и все герои Чехова, в обстановке тотальной глухоты не слышащие друг друга, плачут каждый над своим горем.

Глухота чеховского мира выражена в повести на разных уровнях. В первую очередь – на лексическом: слова с корнем «глух» употребляются очень часто. Помимо этого, когда Ольга Васильевна не слышит Сережу, ей кажется, что это он к ней глух («На него находили периоды глухоты» – с. 115). Ситуация глухоты, когда никто не только не хочет, но и не может услышать другого, здесь обостряется не только невозможностью осознать свою глухоту, но и перенесением этой проблемы на другого. Впрочем, перенесением ли? Ведь наверняка Сереже казалось, что это жена его не слышит: здесь мы сталкиваемся не только с неспособностью услышать друг друга, не только с неспособностью осознать это, но и с обвинением в глухоте другого.

Не слышит Ольга Васильевна и собственную дочь, возвращаясь домой из командировки и обнаруживая, что дочь «прекрасно жила без нее, увлеченная своими делишками» (с. 9). Пренебрежительное «делишками» эксплицирует восприятие жизни дочери как неважное, раз оно не связано с трагедией матери, неспособность разглядеть сложную жизнь Ирины, переживающей смерть отца, к тому же в сложный период взросления. Все та же атмосфера тотальной глухоты не дает Ольге Васильевне осознать, что трагедия девочки, потерявшей отца, и матери, потерявшей сына, ничуть не меньше ее трагедии. И об отмене защиты диссертации Сережи она думает: «Разумеется, это был удар для матери, но ведь не такой, как для Ольги Васильевны» (с. 99). Причины того, почему для матери это должен быть меньший удар, не объясняются. Тем же оборачивается и смерть Сережи. Ольга Васильевна может думать только о собственном горе, о том, как его не ценят другие, а в конечном итоге – о себе. Когда Ольга Васильевна влюбляется в Сережу, она переживает из-за того, что ему где-то лучше, чем с ней. Центром ее жизни, прежней жизни, после которой и должна начаться та самая, другая, был не Сережа, как может показаться на первый взгляд, а она сама. Потому и прозвала она, подобно Ольге Ивановне из «Попрыгуньи», своего мужа.

Благодаря этой глухоте Сережа мог спрятаться в якобы просмотр спортивных программ, и Ольга Васильевна возмущалась: «но почему все подряд? Неужели все одинаково интересно» (с. 9), – не понимая, что, возможно, Сережа не смотрит телевизор, а прячется за якобы просмотром спортивных программ, чтобы побыть наедине с самим собой, потому что другая эпоха, другая жизнь не позволяют ему, в отличие от героев Чехова, остаться одному.

Итак, в повести нет прямых отсылок к творчеству Чехова (кроме фразы «ты не боишься превратиться в чеховского ученого со-

седа?» (с. 147)), но именно следование чеховским традициям на уровне приемов, мотивов, общих тем и создает в повести «Другая жизнь» художественный мир, во многом перекликающийся с художественным миром А.П. Чехова; мир, в котором «Мы удивляемся: отчего не понимаем друг друга? Отчего не понимают нас?» (с. 152); мир, который, будучи перенесен в иную эпоху, говорит о том, что люди, казалось бы даже самые близкие, не в состоянии услышать друг друга во все времена, и понимание этого делает глубже и интереснее не только повесть Трифонова, но и творчество Чехова.

Примечания

- ¹ *Селеменова М.В.* Чеховские мотивы в повести Ю.В. Трифонова «Долгое прощание» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Т. 3. М.: Таганка, 2005. С. 97–101; *Она же.* Женские образы прозы Ю.В. Трифонова в свете чеховской традиции // Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее: Материалы междунар. науч. конф. Четвертые Лазаревские чтения. Челябинск, 2008. Ч. 1. С. 283–287; *Бондаренко В.* Юрий Трифонов говорит про «Сегодня»?.. (Перечитывая «Дом на набережной» Ю. Трифонова). [Электронный ресурс] URL: http://www.library.ru/2/lik/sections.php?a_uid=98 (дата обращения: 30.01.2016).
- ² «Нравственные идеалы я не изображаю, но – имею»: Из писем Ю. Трифонова // Литературная газета. 1991. 23 марта. С. 13; *Трифонов Ю.В.* Правда и красота. [Электронный ресурс] URL: <http://juriy-trifonov.ru/pravda-i-krasota/> (дата обращения: 30.01.2016).
- ³ *Трифонов Ю.В.* Другая жизнь // Другая жизнь. Повести. Рассказы. М., 1979. С. 7–157. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ *Чехов А.П.* Попрыгунья // Полное собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1977. Т. 8. С. 7–31. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.